Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4 зр. 40 кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвертр. 1 злр. 10 кр. на мѣсятци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбираетъ ся въ бюрѣ дирекціи книгопечатнои Института Ставропигіянского.

ПИСЬМО ПОСВЯЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 23. Львовъ, 1 Червеня 1856. РОКЪ IX.

ПОГОНЯ.

II.

На бродскомъ замку кончатся вже храмы*
Вино спиваесь чашами,
Думно вельможи двигаютъ руками,
И крутятъ гордо усами.
Самъ воевода подпивши доволѣ,
Якъ бы на ратномъ стрѣчалъ ся гдесь полѣ,
Справлялъ кровавыи бои
Кидался часто до зброи.

„Га най собаку научу поруги!"
Рукавъ подкасавши бархатный,
Скрикнулъ Потоцкій на вѣрныи слуги:
„Подайте но мечь мой булатный!
„Закличь подчашій конюшого къ менѣ,
„Нехай его кости неусмиренны
„Усмирятъ зміи-гадюки,
„А лобъ спиваютъ му круки."

„Слава намъ братья! наругъ не простимый,
Потоцкій на твое здоровіе!
Крѣпкій твой замокъ непобѣдимый,
Да стоитъ на безголовіе!"
Скрикли — и вдарилъ пугаръ до пугару,
А воевода то лютый отъ яру,
Беретъ въ дрожащую руку,
Остру, булатну саблюку.

Поблѣдъ подчашій, зналъ що злость пана
Сли нѣтъ, на немъ бысь сварила —
Недумалъ, рѣшилъ ся спасти лишь Богдана
Помчалъ въ конюшню що сила.
Тихцемъ велѣлъ му коня осѣдлати:
„Оставляй кажетъ панскіи палаты!...
„Убѣжай якъ вихорь зъ дороги
„Гетъ за днѣпровы пороги!"

* храмы въ томъ смыслѣ що пиры.

Явна погибель; сей часъ на ворономъ
Богданко уѣхалъ изъ Бродовъ,
Летитъ широкимъ а долгимъ загономъ
Коня пустивши зъ поводовъ.
И скоро добралъ ся густои дубровы
Садитъ черезъ корчи, потоки и ровы,
Ажь стогнетъ въ около долина —
Отъ копытъ отскакуетъ глина.

III.

Нетерпѣливо подпивши въ потугу,
Меду изъ сребрного збанка,
Ждалъ воевода на своего слугу,
На лобъ дерзкого Богданка.
Затревоженный вбѣгаетъ подчашій
Прошибъ го на входѣ гордый взоръ ляшій;
Онъ кажетъ: „ще отъ поранка
„Небыло въ конюшнѣ Богданка."

„Сей часъ велѣлъ емь, чи чулъ есь привести,
„Сего зухвалу ропотну;
„Гинь ты нелѣпо отъ моей мести!
„Теперь тобѣ лобъ ототну."
Рекъ воевода запѣненъ отъ злости;
Замахнулъ саблевь и гетъ ажь крозь кости
Розрубалъ лобъ му на двои
Що ажь стряслися покои.

У стопъ му скотилъ ся цѣлецъ мертвого
А кровь то струевь поплыла,
Но онъ, несытый отъ крови одного,
Якъ бы нимъ крайность носила:
Скликавши слуги плеснувши въ долони
Велѣлъ сѣдлати найскоршіи кони
И гнати на четверы части
Дабъ' лишь Богданка допасти.

Пустились и гонятъ; ползаютъ кони

Пругко землею якъ вужи,
Ажъ гомонъ збудилъ ся въ лѣсахъ отъ дудони —
Въ туманахъ лишь свѣтятъ оружи;
Слѣдовъ допадаютъ, и гонятъ и гонятъ,
Ажъ вѣтеръ свищетъ ажъ деревась клонятъ
Пожаль ся ихъ коней такъ живо:
Утекъ Хмельницкій счастливо!

Е. Згарскій.

Утро и день.

Повѣсть изъ новѣйшихъ временъ.

(продолженіе).

Елина и Марина взяли Ганусю за руки и начали щебетати о дѣвочихъ необходимыхъ новостахъ и тайнахъ, и при жартахъ Марины и Стефана зажснѣло лице Ганьси, а тоска, уничтожаема временемъ ускунулась будьто совершенно изъ ей печального сердца.

Вотъ достигли вже старый угольную хату и вошли въ свѣтлицу, зачѣмъ молодый свѣтъ, якъ то дѣется, въ цвѣтномъ огородку загостился. Да играетъ и веселится онъ между тѣми дитинами природы, да узритъ свою гожую и неповрежденную юность въ томъ зеркалѣ своей красоты и невинности, но мы поспѣшимъ въ свѣтлицу, гдѣ старыи родичи свободный розговоръ вели.

„Такъ то, честный Алексѣю! щобъ міръ и люди добре познати, не есть нужно по чужесторонныхъ краяхъ мѣшокъ съ грошми вытрясати, и другимъ людямъ въ зубы взирати. Го! и я видѣлъ много видѣлъ, якъ въ Парижѣ люди свѣтъ до горы ногами перевернули, но я не такъ за границею, якъ тутъ въ родимой земли человѣческій характеръ познавати научился;" проговоривалъ учтивый Борисъ.

„Вы истину говорите," сказалъ лѣсничій въ своемъ смыслѣ, „вотъ передъ двома лѣтами пріѣхалъ-былъ графъ Н., гуляючій три лѣта въ Парижѣ и Лондинѣ въ свое село, пять миль оттуду лежащое, щобъ по смерти отца оное въ посѣданіе взяти. Пріѣзжаючи тутъ, привезъ онъ якогось лѣсничиго, Господь знаетъ съ якого конца свѣта, дабы тотже въ новомъ способѣ лѣсы управлялъ, и поташъ въ новоучрежденныхъ фабрикахъ дѣлалъ. И щожь сталось? Панъ лѣсничій, которому новый дѣдичъ полную довѣрительность удѣлялъ, въ нѣсколькихъ лѣтахъ такъ господаровалъ, що выроботавши великое имѣніе, якъ камфора въ водѣ въ одной ночи исчезъ, дабы ино убѣжати гнѣва своего господина, который теперь очи протеръ, и счетъ отъ обманщика желалъ."

„Такъ, такъ," додала говорлива лѣсничина, „и тотъ заволока хотѣлъ даже мою сестру прельстити, и ей дочь собѣ за супругу вымантити."

„О извольте свѣдо!" отвѣчалъ Борисъ усмѣхаючись и прерываючи бесѣду лѣснички, „не туда стеза до гороху; якъ то волка все до лѣса тягнетъ! Такъ и вы честный Алексѣю, хотя правдоподобное сказалисьте, однакожь въ крайность впалисте. Я хотѣлъ только вамъ указати," продолжалъ онъ природною философіею, „якъ то не потребно великой мудрости, дабы узнати, що подъ шелковою одеждою иногда найчернѣйшіи чувства кипѣти могутъ, зачѣмъ подъ лихою сукманою и благороднѣйшее сердце почиваетъ. — И въ самомъ дѣлѣ, тая отвѣчна истина утвердилась для мене вчера въ оскорбительномъ видѣ!"

„И якимъ то чиномъ случилось тое!" вопросила любопытна лѣсничка.

„При всѣхъ картачахъ и ракетахъ!" вскрикнулъ одушевленъ Борисъ, „видѣлъ

ꙗ, ꙗкъ тысѧчь батерій заиграло подъ Лейпцигомъ, передъ моими очами; а ꙗ стоꙗлъ недвижимъ, ꙗкъ таꙗ стѣна! — Но вчера розъярилась предъ старымъ гренадиромъ одна сотонскаꙗ баба, а ꙗ задрожалъ, не такъ съ боꙗзни, ꙗкъ съ неизсловимого презрѣніꙗ человѣческой злости!" —

„О го! ꙗкъ ꙗ вижȣ, то нашь сосѣдъ снова наставаетъ ѣдкимъ словомъ на нашь нѣжный женскій полъ!" озвалась съ апологическою миною матрона лѣсничка.

„Каждомȣ по справедливости! продолжалъ старый воинъ ровнодȣшно свою рѣчь. „Можетъ быти знаемо вамъ есть, що блаженный отецъ Анны здѣшномȣ дѣдичȣ, банкрȣтствомъ загроженномȣ, сто реньскихъ доброй монеты взаимъ далъ. Терминъ выплаты минȣлъ вже передъ трема лѣтами, а нашь дѣдичь, или лȣчше сказати, наша дѣдичка запомнȣла такъ о капиталѣ, ꙗкъ и о процентахъ. Щожь дѣлати? Теперь при нашой домашной скȣдости нȣжно и послѣдного гроша домагатися, а щожь теперь сказати о сто реньскихъ? Въ намѣренію, тїи гроши назадъ отъискати, пошелъ ꙗ вчера до Господина Дȣмовича! Вотъ вхожȣ въ опроверженны ворота, а не замѣтилъ, що за мною съ задȣ мой любый песъ Вѣрный бѣжитъ, которого ꙗ дома лишалъ-былъ. Идȣ черезъ подворье, а тȣтъ ꙗвлаются мнѣ слѣды нерадѣніꙗ и неопрятности: Тȣтъ качаются безрогїи и плескаются качки въ гноистомъ болотѣ передъ фронтомъ дворца, тамъ бѣгаютъ неопрятно одѣтыи два хлопчики, то снова сѣдаютъ, бȣдьто на кони на псы повыпȣсканны изъ псарни. Въ томъ занюхавши моего Вѣрного, поприскакивали собаки наразъ ꙗкъ обварены до него, скинȣвши изъ себе въ коло-то паничевъ.

При крикȣ хлопчиковъ почалась жестокаꙗ борьба междȣ псами, которыхъ морды мой Вѣрный, ꙗкъ побѣдитель тѣхъ тонко кормленыхъ псовъ, пообъѣдалъ, и одной ласкательной собачцѣ госпожи, ногȣ откȣсилъ.

„Го! го!" прорвалъ лѣсничій Бориса; тотъ героическій чинъ вашого Вѣрного припоминаетъ мнѣ на моего несровнительного Тȣра, который одного разȣ даже съ медвѣдемъ мѣрился, и — —

— „Извольте, да напередъ ꙗ мой розсказъ оукончȣ вы-же потомъ вашимъ Тȣремъ возвеличитесь. На тотъ пискъ и крикъ выскочила изъ спальни дѣдичка съ розплетенными волосами, — заломивши рȣки надъ тѣмъ зрѣлищемъ и розъярившись до крайности кидалась ꙗкъ ꙗщерица по балконѣ, и рȣгала лакеꙗ и слȣгъ, що доселѣ не остановили тое кровепролитїе и не затаскали гайдамака сказанного до габинетȣ оправданіꙗ ради.

„Не такъ скоро, не такъ скоро, моꙗ Госпожо!" сказалъ ꙗ голосно, не сважаючи на окрȣжающихъ мене слȣгъ- „Прежде, нежели ꙗ вамъ оправданїе касательно тѣхъ враждебныхъ собакъ воздамъ, желаю ꙗ отъ васъ такожь рѣшительного отвѣта и оправданіꙗ!"

„Ꙗкъ то!" вскрикнȣла она, встрепенȣвшись ꙗкъ рыба подъ оудкою, „ты безстыдный старче! не знаешь-ли, що ты подданный а ꙗ твоꙗ госпожа? Ꙗкъ ты смѣешь твое вытертое чело такъ высоко поднести? — Гайдȣки! заведѣте того смѣльчака до габинетȣ, да рѣшится сїе безчинство!"

Вшедши въ невеликȣю, обчерненнȣ, нѣкоторыми старыми мебелами наряженȣ комнатȣ, названȣ габинетомъ или канцелярїею Господина Дȣмовича, сказалъ ꙗ моей

*

пышной Госпожѣ, яко вже на времени есть, старый долгъ отдати. Но гдежь? На тїи слова розсердилась она до крайности, що она съ такимъ грубїяномъ не имѣетъ нїякого дѣла, и нагрозила мнѣ, щобы я больше не являлся передъ ей лицемъ, тѣмъ менше въ наведенной вещи, кромѣ, если кто иный только не я, въ трехъ тыжднахъ оувѣдомилъ бы ся въ дворѣ. Тое сказавши въ презрѣтельной гордости, зазвонила въ маленькїй звонокъ, и се вошелъ якїй-то лакей, человѣкъ оуже старый, но смѣшного вида, — которому Госпожа Думовичь щось до оуха шепнула, мнѣ-же строго отойти повелѣла. Лишь я предлагаю ей втору мою жалобу, що ей сынокъ гуляючи съ псами и стрѣльбою по лугахъ, мой огородъ съ крайного оугла оужасно потопталъ. „Прочь оттуду, старый лѣнивче!" сказала она въ ярости, „если ты былъ бы добрый господарь, то твой огородъ не стоялъ бы безъ огороды, отвертый безрогамъ и скотинѣ!" — и взявши мене съ неслыханною отважностью за плечи, выпхала мене за двери! Вотъ, що то моя честна старость оузрѣла, думалъ я себѣ! При всѣхъ картечахъ и ракетахъ! Подъ Лейпцигомъ оперся я тремъ воинамъ, но тутъ оуходилъ я передъ дерзостью одной бабы! Въ томъ заворчалъ страшно мой песъ на дворѣ, застогналъ и оумолкъ; а сумное догаданїе прошило мое сердце.

„Проклятый родъ! перервалъ Бориса лѣсничїй не внимаючи послѣднимъ его словамъ; она получила тое оупрямство и тую гордость отъ своей матери въ наслѣдство! Но не имѣетъ теперь чоло вже надуватися! Що ей по тѣмъ красномъ селу, коли оно въ рукахъ заимодавцевъ, коли отъ жида арендатора ей судьба зависитъ! Но жаль мнѣ ей честного супруга, лучшого счастья достойного, которого она немилосердно подъ своимъ пантофлемъ держитъ! Гей! любый то человѣкъ, но щожь по томъ, коли онъ въ цѣломъ господарствѣ не имѣетъ больше голоса, якъ тотъ лакей Петръ!"

— „Такъ то дѣется!" додала молчалива вдовица, „кто оугождаючи только своимъ нравамъ и похотямъ правду человѣчу презираетъ! Воистину, кончина позорна ожидаетъ его!" —

„Лишь любопытный есмь, що съ вашимъ Вѣрнымъ случилось, бо я его нигдѣ тутъ не оузрѣлъ; однакожь держался онъ прежде всегда ногъ вашихъ."

— „Безсердечныи слуги замкнули его по приказу Госпожи въ подземну диру. — Вышедши изъ комнати оуслышалъ я якїйто подземный стонъ и ворчанїе! Иду за голосомъ, и се оузрѣлъ я черезъ малое отворенїе, рѣшетками осмотренное въ подземной глубинѣ моего любимого пса, кидающогося на всѣ стороны, и ворчащого на молодого Думовича, который съ оудовольствїемъ придивлялся на стучащого. Съ горькою иронїею промовилъ я до панича: То есть жертва вашой оудалости, любуйтеся нею!", — и кидаючи взоръ сумный и пращательный на вѣрнѣйшого пса, отошелъ я, знаючи, що мои оусилїя, его освободити суетны были-бъ. Жалостный лай бѣдной собаки, роздирающїй мое сердцее гомонилъ безпрерывно изъ ямы, которого даже воспоминанїе болѣзненно въ мнѣ отражается. И кто знаетъ, будитъ-ли мой Вѣрный жертвою роздраженной дѣдички? Во истину! жаль бы мнѣ было того десятилѣтного сопутника моей жизни!"

„Беседуйте собѣ и веселѣтеся," сказала вдовица я-же иду, и призову нашихъ дѣтей до свѣтлицы; вже бо довольно на-

любовалисѧ цвѣтами та вже и на времени есть, щобы скромнымъ обѣдомъ поживилисѧ. Гей! Ганѹсю! голѹбко моѧ, проси молоденькихъ гостей, да войдѹтъ до хаты, а сама оустрой столъ на обѣдъ!" Тое сказавши поторопиласѧ она до пекарни, а въ свѣтлицѹ вошли щебетливыи дѣвицы съ гожимъ Стефанкомъ.

„Но мой Тѹръ!" крикнѹлъ лѣсничїй, ѩкъ пробѹжденъ изъ сна, „мой Тѹръ!" го! тотъ долженъ во васъ, честный соcѣдо, такожъ оудивленїе возбѹдити!"

„О! была то водра собака; князь С... жертвовалъ моемѹ мѹжѹ 10 червонцевъ за нашого Тѹра!" озваласѧ лѣсничка, оустремлѧючи всюдѹ свое слово.

(П. с.)

ОДАЖ И ОАЗЫ
(Путешествіе въ Сагару.)
(конецъ).

Жебранина послѣ ихъ мнѣнїѧ даже насильное обдиранье, не нарѹшаютъ благородности. Гидѧчисѧ роботы, мнѣючи себе за оуправненныхъ пропитыватисѧ чѹжими коштами, жебраютъ они съ насильною дерзостью, ѩкой весь свѣтъ не видалъ по сторонамъ инымъ.

Верховодники просѧтъ о дары, благородники второй классы о харчъ, а сли не одержатъ таковое добровольно, то отбираютъ насильно. Когда Рихардсонъ нѣсколькое времѧ пребывалъ въ Гатѣ, сложилъ сынови Сѹлтана тѹариканского дары, ѩкїи долженъ былъ каждый чѹжинецъ ѩко дань сложити. Междѹ вещами иного родѹ, находиласѧ также и голова цѹкрѹ, которой вершокъ несчастнымъ дѣломъ былъ отломилсѧ. Не было кнѧза по тотъ часъ въ городѣ, тожь представлено Рихардсона первой его женѣ Лаллѣ Фатимѣ, котора чемно его принѧла. Англичанинъ во первыхъ почалъ извинатисѧ, що цѹкровой головкѣ вершокъ отломилсѧ. Заледвы почѹла тое дама, омаль що неомлѣла. „Ѩкъ то!" скрикнѹла она, есть ли Канѹенъ не истинный сынъ Сѹлтана! Мой человѣкъ есть господаремъ всѣхъ Тѹарикиновъ. Каждый чѹжинецъ каждый кѹпецъ, каждый христїанинъ, що лишь тѹтъ заходитъ, подвергаетсѧ повелѣнїѧмъ его; а вы принесли головѹ цѹкрѹ емѹ, которой вершокъ есть отломанный! Воистинно, не есть то честно! Такъ не подобаетъ ѩвитисѧ передъ Сѹлтаномъ, ѩ тревожѹсѧ про васъ!" Госп. Рихардсонъ старалсѧ изъѩснити ей, що невозможно есть даже въ цѣлой одаѣ прїобрѣсти головѹ цѹкрѹ совершенно свѣжѹ, та не оскорбленнѹ. Лалла Фатима заговорила о чемъ иномъ. „Рѹкавицы, ихже менѣ принеслисьте, не сѹть длѧ мене. Канѹенъ дастъ ихъ дрѹгой своей женѣ, котора на селѣ проживаетъ. Вотъ принесли бысьте и менѣ где ѩкїи!" — Подорожный хотѣлъ подѣлити дары, но она отвѣтила: „Оставьте! Канѹенъ дѹжше любитъ вторѹю женѹ свою отъ мене." Изрекши тое начала смѣѧтисѧ, мѣсто що мала, ѩкъ Рихардсонъ ожидалъ плакати. Не пѹскала его доти отъ себе, доколь не пообѣтовалъ ей, що если по вторый разъ посѣтитъ Гатъ, шнѹрокъ скляныхъ перелъ и иныхъ прочихъ подробницъ привезетъ ей.

Одной днины, когда то подорожный нашъ вечеромъ посѣтилъ былъ одного богатого кѹпца изъ Триполисъ, приключилсѧ слѣдѹющїй появъ. Напрасно почалъ ктось колатати въ двери. Молодый аравскїй слѹга спросилъ: „кто тамъ!" и неожидаючи отвѣта, прибавилъ: „Не откирайте!" Кѹпцы изъ Триполисъ, когда лишь прибыва-

ютъ въ Гатѣ, стараются подъ вечеръ двери заперти, особенно во время вечери, понеже тогда летаютъ сголоднѣлыи Тварикане якъ сѣрыи волцы по мѣстѣ, дабы где нибудь чѣмъ голодъ свой оусмирити. Клекотъ за дверьми вмагался когда лишь почули голосъ молодого слуги; отказуючи зажелали, дабы пущено ихъ въ домъ. Затревоженный купецъ повелѣлъ отворити. Толпа Тварикановъ впала до комнаты. Во первыхъ кинулись на бѣдного слугу и почали его покотомъ обкладати за тое що не хотѣлъ сей часъ отворити; послѣ того съ наглостію зажелали хлѣба. Дармо силился купецъ спасти свою и своихъ слугъ вечеру. Громкимъ голосомъ озвался верховодникъ: „Край есть безопасный, нѣтъ розбойниковъ; вы продаете, купуете, наполняете кишени ваши грошьми: чижь не можете призволити намъ къ надуслугу защиты, дабы голодъ свой оусмирилисьмы?" Оукоръ былъ бы по тотъ часъ дурачествомъ; купецъ отступилъ имъ вечеру, а за нѣсколько хвиль все изъ полумисковъ посчезало.

Рихардсонъ частѣйше окнапащенъ былъ отъ дикихъ тѣхъ жебраковъ. Послѣ долшого нежь на два мѣсяцы пребыванія своего въ Гатѣ, вернулся Рихардсонъ черезъ Фецанъ въ Европу. Когда отходилъ изъ Триполисъ, препоручилъ чорного своего Санда печаливости австрійского консула, который пообѣтовалъ его или при собѣ на службѣ держати, или где о мѣстце постаратися. Но отъ добродушности пана своего дѣлался онъ чѣмъ разъ больше а больше несноснѣйшимъ. Найголовнѣйшою примхою его было, напрасно розплакатися безъ найменшой причины. Тихою ночію стогналъ и зойкалъ Сандъ поразительнымъ голосомъ. Когда панъ его изъ сна пробуженъ запыталъ, отъ чого такъ стогнетъ и зойкаетъ, не зналъ кромъ мелкихъ причинъ ничь больше сказати. То пригадовалъ собѣ на жену, немогучи вповѣсти на котору, то и жаловалъся на тое, що нѣтъ оу него письма, котороебы освобожденіе его отъ неволи засвидительствовало. Инымъ временемъ плакалъ, понеже слугъ намѣстника въ Гадамесъ, лучше якъ онъ приодѣтыхъ бачилъ. Господинъ Рихардсонъ сносилъ тую его примху съ необыкновенною терпѣливостію, поминувши що часомъ якъ хлопчака поторгалъ за оуха. Никогда не могъ Сандъ задержати гроши въ кишенѣ; роздавалъ кому видѣлъ. Когда Рихардсонъ изъ Гадамесъ въ Гатъ переправлялся, роздалъ Негръ всѣ свои гроши помежи своихъ знакомыхъ. Когда панъ его за такъ безмѣрное великодушіе набиралъ, отповѣдалъ онъ: „Про що мнѣ грошей, если нѣтъ склеповъ по дорозѣ?" Если засумовался, каждому оудѣлялъ свой смутокъ, а що бы тѣмъ больше сочувствіе возбудити, чѣстовалъ всѣхъ своимъ и своего пана полуденкомъ; еслиже былъ оутѣшный, то и въ томъ разѣ желалъ сочастниковъ и забывалъ во вѣки, що долженъ былъ полуденокъ подорожному сварити. Тотъ пріишовши вечеромъ домовъ оутомленный та голоденъ, засталъ студеный пепелъ и горнецъ перевернений. Тожь когда Рихардсонъ прощался съ Африкою, нежаль было ему за ничѣмъ, только за вѣрнымъ, терпѣливымъ дромедаромъ, который счастливо занесъ его даже до береговъ морскихъ.

Путешествіе господина Рихардсона не былобы такъ занимающимъ, если бы несовокупплалась къ нему гадка оумноженія международныхъ сношеній и жерелъ содержающихъ общое благосостояніе. Если Еу-

ропа Африкȣ оуцивилизовати желаетъ, то послѣдствїѧ такихъ ей оусилїй, длѧ ней самой хосномъ станȣтсѧ. Тотъ народъ, которомȣ перкомȣ посчаститсѧ сдѣлати пȣть собѣ до середной Африки, тотъ народъ многочисленно помножитъ свое имѣнїе и высокого совершенства въ торговлѣ доспѣетъ. Англїѧ на челѣ стоитъ всѣхъ тѣхъ предпринѧтїй, смогающихъ сѧ съ каждымъ рокомъ и обѣтȣющихъ чѣмъ разъ больше а больше корыстей. Таѧ то такъ необыкновенна постоѧнность, котора англїйскїй народъ междȣ всѣма отличаетъ, воздвигнȣла его на высокое становище въ свѣтѣ. Майже со всемъ зависимое правительство въ Триполисъ отъ Англїи, есть нѣѧко начало пȣти, который созидаетсѧ серединою Сагары, дабы богатыи краи Сȣдана со средиземнымъ моремъ сококȣпити. Нѣтъ поȣчительнѣйшого длѧ политиковъ иныхъ краевъ, ѧкъ таѧ предъȣбѣдимость, съ ѧкою англїйское правительство въ таковъ отдаленїю пȣти и средства къ возростȣ величїѧ своего оусмотриваетъ. Всегда держитъ оно очи свои встремленныи на всемїрскȣю картинȣ, дабы занѧти точкȣ сїю, котора въ найблизшой или во отдаленной бȣдȣщинѣ, краю ихъ по всѣхъ частинахъ свѣта переваги надати моглабы.

Днесь сношенїе Англїи со Сȣданомъ черезъ Триполисъ есть еще незначительное. Найбольше занимаетъ Гатъ, томȣ и Др. Рихардсонъ найдолше тамъ забавлѧлсѧ. Єсть то мѣстце торговне, где навезенны европейскїи товары за тїи изъ Сȣдана мѣнѧютсѧ. Когда Рихардсонъ пребывалъ въ Гатѣ, число кȣпцевъ выносило на 500, ониже оупотреблѧли 1,020 велблюдовъ.

По возвращенью своемъ не долго отпочивалъ Рихардсонъ; таѧ неȣтомимаѧ ревность, котора возбȣждаетъ соотечественниковъ его великїи недостатки и трȣды поносити, дабы благосостоѧнїе отечества своего подвигнȣти: таѧ ревность скȣсила и его предпринѧти по вторый разъ пȣтешествїе. Но не присȣжденно было емȣ окончити изслѣдованїѧ свои: онъ оумеръ въ невеличкомъ селѣ Оунгȣратȣа.

О влiянiю довѣрительности на службу и точнное совершенiе обовязковъ.

(конецъ).

Должно лишь розмѣрковати собѣ, що не самыи лишь слуги зависятъ отъ пановъ своихъ, но и паны отъ слугъ, тѣмъ больше що безъ нихъ обойтися не могутъ. А що бы дѣялось въ тотъ часъ, если бы паны пострадали довѣрительность, та никто не схотѣлъ у нихъ найматись? Прiйшло бы до того, що принужденны былибы сдѣлатись слугами самыхъ себе, даже по видѣ и годѣ! Въ правдѣ примѣтивши тое обстоятельство, що много есть принужденныхъ найматись въ службу, понеже лишь такимъ свѣтомъ бытъ свой удержати имъ возможно, не можетъ зайти упомянутый нами случай загаломъ, но въ подробницѣ является и часто.

Во обще недовѣрительность у служащихъ лицъ берется ажь тогда, когда суть крѣпко пресвѣдченны, що тотъ или иный панокъ, если у него наймутся, не заплатитъ имъ совѣстно за ихъ службу. И такъ если ктось тамъ свелъ одного, другого, третого, четвертый уже долго нагадовати ся будетъ, а пятый такой и ненайметсся. Паныже въ самомъ началѣ недовѣряютъ каждому наймитови, якъ бы то всѣ служащiи загаломъ должны быти лишь злыи люди.

Каждое лице вступающое въ якiйсь родъ службы, а съ тѣмъ беручи и якiйсь родъ обовязковъ на себе, розмѣрковуетъ на передъ, чи есть въ силѣ и состоянiю точно совершати сей или иный родъ службы, сей или иный родъ обовязковъ. Такимъ то розгадованьемъ творится въ немъ довѣрительность къ свому успособленiю, къ своей честности.

Довѣрительность тую ихъ къ самымъ собѣ, мы нарушаемъ нашою недовѣренностiю такъ, що

они послѣ того самы о своимъ успособленію сомнѣватися суть принужденны и легко въ погрѣшенія попадаются.

Правда, що во времени нашимъ зло такъ дуже вкоренилося, по чемъ и рѣдко где кому безопасно можь довѣривати, но на будущность, если будемъ въ общественномъ розвою и усовершенію поступовати, оно прикорощеннымъ быти можетъ. А на послѣдъ крайнимъ словомъ сказавши, тожь и теперь люди, якъ то нѣкоторыя собѣ изъображаютъ, не суть діяволами, но людьми т. е. суть злыи, но есть возможность дабы сдѣлали ся добрыми. Первымъ и найголовнѣйшимъ условіемъ есть совѣсть собственной достойности и честности; мыже почитаемъ человѣка, если довѣряемъ ему яко человѣкови, а съ тѣмъ почитаетъ и онъ себе самого. Кто думаетъ що гроши дѣлаютъ вѣрныхъ, приверженныхъ къ службѣ, а точныхъ въ совершенію обовязковъ, тотъ кромъ кишени ничь больше не видитъ и не знаетъ. Заходитъ тутъ дѣйствіе моралной силы, а морална сила лишь моралными вліяніями смогаетъ и розвиваетси.

Все тое залежитъ отъ загального поступу въ общественномъ розвою. Поколь человѣкъ не поиметъ, що онъ яко такій служитъ не человѣкови но обществу, а съ тѣмъ и самъ собѣ, поти и несогласіе между служащимъ лицемъ а службою, между обовязками, а точнымъ ихъ совершаніемъ, становится будетъ загально. До совершеньства т. е. идеалной доброты реалныи люди не дойдутъ никогда; но, ще доселѣ загальное зло въ подробницу, а на сопротивъ добро изъ подробницы въ загалъ перейти можетъ, чижь кто заперечитъ тое? — Обученіе и довѣрительность суть первоосновами: дѣлаймы а доспѣемъ!

Е. Згарскій.

Львовъ 1. Юнія. Дописыватель Вѣстника жалуется въ 35 Ч. той часописи на корреспондента Зори Галицкой и отказуетъ на содержаніе его дописи. Если переглянемъ обѣ статіи, такъ ону въ Зорѣ якъ и тую въ Вѣстнику и застановимся надъ содержаніемъ ихъ, слѣдующе примѣчаемъ. Вопросъ языкословный яко безполезный, совершенно залишаемъ. Въ томъ отношенію мы слѣдующого вѣроисповѣданія: Кто формы ради, съ его мнѣніемъ несходной, содержаніемъ пренебрегаетъ и гадки вознесенныи отметаетъ, лжеревнитель, мелкомыслящій фантастъ. Сесь пишетъ по своему увѣренію, тотъ по своему, дабы только благо церкви, народа, державы нашіи писанія вознамѣревали и томуже поспѣшествовали; каждый благорозумный и честный человѣкъ нашіи сочиненія съ почтеніемъ и радостію воспріиметъ. Если же ти форма чрезмѣрно важною, или даже съ содержаніемъ ровноважною выдасться быти: то (еслись розуменъ) не отвержешь всякіи сочиненія, не будешь враждовати на иныхъ писателей (ибо тако всуе трудишися), но издаваніемъ полезныхъ и многихъ книгъ твою гадку къ побѣдѣ поведешь. Противодѣлающіи суть то язычники, суть то вѣтрогоны которыхъ крики и галасы безъ слѣда исчезнутъ „яко прахъ, егоже возметаетъ вѣтръ". Съ тѣмъ явно кажемъ, що тутъ ни одного ни другого дописивателя не имѣемъ на умѣ, бо обѣ стороны много поборниковъ числятъ. Тѣмъ меньше на цѣлыи арміи языкоборцевъ двигнутися дерзнемъ. Вовторыхъ: Вѣсть о издаванію яковой то временописи въ Перемышлѣ передъ нѣсколько мѣсяцами далася чути и тутъ въ Львовѣ, когда и Зоря о томъ еще не слышала. То совѣстно кажемъ; вотретихъ: Розбираніе дѣлъ народныхъ, словесныхъ въ литературной газетѣ, не есть то ни накиданіемъ, ни смѣшною дерзостію, ни, уразающимъ менторскимъ совѣтованіемъ. Розличныи дѣла суть у насъ заступленны розличными письмами повременными; господарство же найважнѣйшое дѣло въ нашомъ краю, не имѣетъ своего письменного заступника. Прото каждый, который по воздухахъ не несется, ино въ нашіи области вглянетъ, признаетъ оному дописывателю правду. Мы совершенно не есьмы адвокатами оного дописывателя, но истины ради принужденны есьмы оное засвидѣтельствовати, когда онъ писатель самъ умолкъ. То що ему въ самомъ дѣлѣ закинути можемъ есть, що пророчества его не исполняются. Не только бо въ Перемышлѣ ни одная газета, ни одная книжочка не появляется, но даже и временопись Матицы, яко науковыи органъ, на которую такъ долго ждемъ, не можетъ явитися. То жалостно, если общество ученыхъ, если корифеи литературы русской не имѣютъ своего органа!

А. Н.

Списъ предплатителей на Зорю Галицкую на т. г.

Пр. госп. Курыловичь п. въ Налужѣ
Его пр. госп. Шашкевичь мин. совѣтникъ во Вѣдни
Пр госп. Колянковскій п. въ Хомчинѣ.
,, ,, Петрушевскіи п. въ Голубицѣ
,, ,, Дроздовскій п. въ Добраницѣ
,, ,, Мокрицкій п. въ Бѣлцѣ
Бл. госп. Крушелницкій пит. сѣм. въ Львовѣ
Пр. госп. Любинецкій п. въ Розвадовѣ
,, ,, Кучинскій п. въ Кристынополи.
,, ,, Ванчицкій п. въ Барышѣ
Бл. госп. Кадій ц. к. поб. подат. въ Мьелцу
Пр. госп. Любинецкій п. въ Любшѣ.
Бл. „ Барвинскій пит. сѣм, Лвов.
Пр. „ Глинскій п. зъ Волкова
„ „ Барвинскій п. зъ Улашковецъ
„ „ Ничай п. зъ Завадки
„ „ Ганкевичь п. зъ Красного
„ „ Царевичь п. зъ Кобыловлокъ
„ „ Кущакъ п. зъ Сѣхова
„ „ Скалишь п. зъ Мартинова
„ „ Гаѣдковскій п. зъ Мостискъ

(п. с.)

Тупомъ Института Ставропигіянского. Редакторъ Николай Савчинскій.